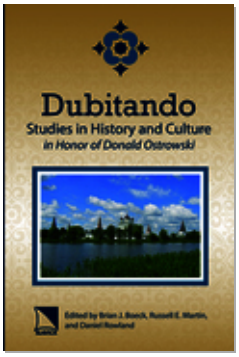
PROJECT MUSE®

Dubitando

Boeck, Brian J., Martin, Russell E., Rowland, Daniel



Published by Slavica Publishers

Boeck, Brian J. and Martin, Russell E. and Rowland, Daniel.
Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski.
Bloomington: Slavica Publishers, 2012.
Project MUSE. Web. 30 Apr. 2015.http://muse.jhu.edu/.

For additional information about this book
http://muse.jhu.edu/books/9780893579043

Access provided by Yale University Library (20 Jul 2015 17:01 GMT)

«Показующе им истинную веру»: Летописное обрамление руско-византийского договора 911 г.

Олексій Толочко

Текст договора Руси с Византией 911 г. сопровожден в летописи рассказом о том, как прибывших в Константинополь киевских послов по окончании переговоров и в честь подписания соглашения император Лев VI повелел ознакомить с христианскими реликвиями, находящимися в Большом дворце, а также продемонстрировать им «церковную красоту»:

> Цр҃ь же Леѡнъ почти послы Роу^{с}кыє . дарми . злато^{м} . и паволоками . и фофоудьами. и пристави к ни^{м} моу^{жи} свои . показати и^{м} цр҃квнꙋю красотоу . и полаты златыа . и в ни^{х} соущаа богатество . злата много . и паволокы . и камьньє драгоє . и стр^{с}ти Гн҃ѧ . и венець и гвоздиє . и хламидꙋ багрѧнꙋю . и мощи ст҃ы^{х} оучаще ꙗ к вѣре своєи . и показꙋюще и^{м} истинꙋю вѣроу и тако ѿпоусти а во свою землю с честию великою[1]

Это сообщение, интегрирующее текст договора в повествовательную структуру летописи и позволяющее ловко осуществить переход от документального текста к дальшейшему рассказу, справедливо признано плодом творчества автора *Повести временных лет*. Для реконструкции действительного хода событий оно едва ли представляет какую-либо ценность. Зато сообщает кое-что важное о самом летописце. Например, намекает на его знакомство с расположением зданий в Большом дворце: «полаты златыа» несомненно представляет собой перевод названия главного зала приемов византийских императоров, «Хризотриклиния». Интригует и точное знание о реликвиях, содержащихся в Большом дворце. Перечисленные летописцем «страсти Христовы»: венец, гвозди и багряница были перенесены во дворец незадолго до завершения *Повести*

---

[1] ПСРЛ 1: 37–38; ПСРЛ 2: 28. Please see also the excellent edition of the PVL by our honoree, Donald Ostrowski (*The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis*, comp. and ed. Donald Ostrowski et al., 3 vols. [Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003]).

Dubitando: Studies in History and Culture in Honor of Donald Ostrowski. Brian J. Boeck, Russell E. Martin, and Daniel Rowland, eds. Bloomington, IN: Slavica Publishers, 2012, 61–66.

временных лет, в 1106 г.[2] (что, кстати говоря, устанавливает несомненный *terminus post quem* для нашего сообщения).

Понятно и место сообщения в общей концепции *Повести временных лет*. Летописец использует все известные ему случаи контактов с Византией для ознакомления русов с христианством, и наш случай самый первый в этой череде: при подписании договора 944 г. уже фигурируют «крещеная русь», во время визита в Константинополь крестится княгиня Ольга и т.д. Главный посыл нашего сообщения, несомненно, миссионерский: император демонстрировал послам «истинную веру» (храмы и реликвии) и тем самым «учил своей вере». В этом смысле сообщение под 911 г. смыкается с гораздо более известным рассказом о выборе вер Владимиром под 987 г. Посланным в Константинополь послам демонстрировали христианство совершенно аналогичным образом: император Василий II якобы показывал послам «красоту церковную» в Софийском соборе:

> и поставиша ѧ на пространьнѣ мѣстѣ . показающ^{е} красоту црк$\bar{в}$ную . пѣньꙗ и службъı архиєрѣиски престоꙗньє дьꙗконъ . сказающе имъ служеньє Б$\bar{а}$ своєго . ѡни же во изумѣньи бывше . оудививше^{ĉ} похвалиша службу ихъ . и призваша є ц$\bar{р}$ а . Василии и Костѧнтинъ . рѣста имъ идѣте в землю вашю . и ѿпустиша ѧ с даръı велики и съ ч^{ĉ}тью[3]

Два сообщения, следовательно, представляют собой части единого комплекта: в первом послам-язычникам демонстрируют сокровища и реликвии дворца, во втором – Софийский собор и службу в нем.

При всей мотивированности сообщений замыслом и структурой *Повести временных лет*, с точки зрения достоверности, они выглядят все же несколько необычно. Случай экстраординарный: император лично водит неверных по дворцу, показывая сокровища и реликвии, а также устраивает специальную службу в Софии для язычников.[4] Трудно по-

---

[2] См.: John Wortley and Constantine Zuckerman, "The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle," *Византийский временник* 63 (2004): 67–75.

[3] ПСРЛ 1: 107–08; ПСРЛ 2: 93–94.

[4] Исследователи, обращавшие внимание на это сообщение, справедливо высказывали недоумение: «Можно было избрать и лучший способ произвести впечатление на скандинавов-язычников (кем на самом деле были русы), чем знакомить их с набором реликвий, связанных со страстями Христовыми и его казнью» (John Wortley and Constantine Zuckerman, "The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle," 67). См. также в стандартном комментарии к ПВЛ: «Откуда мог взять составитель «Повести временных лет» все эти известия? – их нет в предшествующем Начальном своде, где отсутствует и самый договор» (Повесть временных лет. Т. 2: Приложения. Статьи и комментарии Д. С. Лихачева. М., Л., 1950. С. 280).

нять, что заставляло летописца полагать, будто подобного рода события могут выглядеть правдоподобными и будут восприняты его читателями как действительно происшедшие. Однако и признать наши сообщения полностью вымышленными без всякой опоры в реальности также затруднительно.

Как кажется, можно указать на литературный источник сообщения под 911 г., повествующий об аналогичном, но действительно случившемся событии, как раз во время правления императора Льва VI и весьма близко хронологически к искомому 911 г.

По совпадению, в том самом 907 г., в котором, согласно ПВЛ состоялся поход Руси на Константинополь, в последствии улаженный договором 911 г., в Константинополь, как сообщает Иоанн Скилица,[5] прибыли послы из Тарса и Милитены для обмена пленными.[6] Лев VI принял их с большой помпой: император приказал особо украсить дворец Магнавру, и также особенно украсить Софию, куда по окончании переговоров лично отвел мусульман и демонстрировал перед ними хранящиеся там священные предметы и одежды, используемые при отправлении литургии. Скилица был скандализирован подобным поведением императора, отметив, что иноплеменникам, и к тому же неверным, не подобало бы показывать вещи, сокрытые даже от большинства благочестивых христиан.

Действительно, поступок из ряда вон выходящий. Однако у Льва VI были особые причины оказать посольству выдающиеся почести. Дело в том, что с посольством прибыл отец Самоны, крещенного араба и фаворита императора, и показ имел целью убедить его креститься и остаться в Константинополе. За несколько лет перед тем Самона пытался бежать на родину в Милитену, где жил его отец,[7] и, вероятно, император Лев хотел предотвратить подобные попытки своего любимца в будущем.

---

[5] John Skylitze, *A Synopsis of Byzantine History, 811–1057*, trans. J. Wortley, intro. J.-C. Cheynet and B. Flusin (Cambridge, 2010), 183.

[6] О дате посольства см.: *Васильев А. А.* Византия и арабы. Т. 2. Политические отношения Византии и арабов за время Македонской династии [Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета, ч. 66]. СПб., 1902. С. 162. Ромили Дженкинс датирует посольство весной 908 г. (Romilly J. H. Jenkins, "The Chronological Accuracy of the 'Logothete' for the Years A. D. 867–913," *Dumbarton Oaks Papers*, 19 (1965): 111). Едва ли следует этому совпадению придавать какое-либо значение. Автор ПВЛ не мог бы вычислить абслютную дату события с такой точностью, это задача, как видно, трудна и для современного исследователя. Летописец, однако, мог понимать, что речь идет о последних годах правления Льва VI.

[7] Об этом загадочном событии, а также о карьере Самоны см.: R. J. H. Jenkins, "The 'Flight' of Samonas," *Speculum* 23, no. 2 (April 1948): 217–35.

Отец Самоны, впрочем, остался не вполне убежден[8] и, как и киевские послы, отбыл домой некрещенным.

Вероятно, именно личная заинтересованность императора Льва стала причиной его необычного поступка. Во всяком случае, это единственный в своем роде случай персонального «миссионерства» визнатийского императора. Подобное не случалось прежде, не повторится и после.

Узнать о подобном событии можно было только из письменного источника.

Иоанн Скилица, разумеется, справедливо не числиться среди источников ПВЛ. Но сообщение о тарситских послах широко и практически идентично представлено в византийской хронографии X в. (хрониках, суммарно именуемых *scriptores post Theophanem*). О нем сообщают Продолжатель Феофана,[9] псевдо-Симеон,[10] продолжатель Георгия Амартола,[11] а также позднейшие историки.[12] Все они, так или иначе, восходят к хронике Симеона Логофета.

В составе продолжателя Амартола текст был переведен на славянский:

> ѿ Тарса изиде Авельваки wнъ и Самонинъ ѿц҃ъ. и си[х] цр҃ь видѣвъ, красотою много Манавроу оукрасишѧ[ж] и великоую цр҃вь многымъ строениемъ и показаша всѧ честны съсѹды Срацино[м], еже недостоино есть кр[с]тианска красота неправеднымъ иноѧзычнико[м] чл҃комъ видѣти бж҃иа слоужбы съсоуды. Самонии же ѿц҃ь хотѣти быти с сыно[м], но па[ч] оучаше и въ своаси възвратисѧ и своеа дръжатисѧ вѣры: “азъ[ж], ре[ч], елма могыи скоро к тебѣ придоу“[13]

Амартол был среди главных источников составителя ПВЛ, либо в виде самостоятельной хроники,[14] либо, как чаще полагают, в составе некоего хронографа.[15]

---

[8] Сообщается, что его отговаривал сам Самона, обещая в скором времени совершить повторный побег на родину.

[9] *Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей*. Пер. Я. Н. Любарского. СПб., 2009. С. 234.

[10] *Theophanes Continuatus, Ioannes Caniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*, ed. Immanuelis Bekkeri, Corpus Scriptorum Historiae Byzantinae (Bonn, 1838), 711.

[11] *Theophanes Continuatus, Ioannes Caniata, Symeon Magister, Georgius Monachus*, 868.

[12] См.: *Васильев А. А.* Византия и арабы, 162.

[13] *Истрин В. М.* Книгы временныя и образные Георгия мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. Текст, исследование и словарь. Т. 1. Текст. Пг., 1920. С. 539.

[14] *Вилкул Т.* Повесть временных лет и Хронограф. *Paleoslavica* 15, no. 2 (2007): 79–88.

Итак, можно думать, что сюжет об императоре, демонстрирующем послам-нехристианам реликвии и церковную утварь, а также устраивающем для них службу в Софии, летописец заимствовал из продолжателя Амартола. Но набор увиденных послами реликвий и их место хранения – «полаты златые» – происходят из другого источника.

Император Алексей Комнин (1081–18) перенес свою резиденцию из Большого во Влахернский дворец, с тех пор и вплоть до захвата Константинополя латинянами остававшийся главной императорской резиденцией. С переселением императоров во Влахерны, территория Большого дворца, с ее церквами и реликвиями в них, становится доступна для регулярного и свободного посещения паломниками. В паломническом обиходе весь район дворца, как кажется, получает наименование «Златых палат». Об этом можно судить на основании *Паломника* Добрыни Ядрейковича, перечислившего практически те же, что и автор ПВЛ, реликвии и так же называвшего Большой дворец «Златыми палатами»:[16]

> Се же во царскихъ Златыхъ полатахъ: крестъ честныі и вѣнець, губа, гвозди, кровь же лежаше иная, багряница, копие, трость, повоі святыя Богородицы і

---

[15] Соответствующий текст находим и в *Летописце Еллинском и Римском*, который, как считается, отражает гипотетический *Хронограф по великому изложению*, источник визатийский сведений для автора ПВЛ:

Мира же ради от Тарсъ изиде Авельвакъ онъ и Сомонинъ отець. Сих царь видивъ, красотою многою Манавру украсиша. Украсиша же и Великую церковь многым строениемь, и показа многы съсоуды срачиномь, еже недостоино есть крестьянская красота неправедным и иноязычником человѣку видити божественныя службы съсуды. Самонинъ бо отець хоть быти съ сыномь, нь паче учяше и восвояси взвратися и своея держатися вѣры: “Аз же – рече, – елма могыи, и скоро к тебѣ прииииду”

(*Летописец Еллинский и Римский*. Т. 1. *Текст*. Изд. О. В. Твороговым и С. А. Давыдовой. СПб., 1999, 480). А. А. Шахматов, определяя фрагменты из Амартола в составе ПВЛ, для статьи 911 г. указывает только на сообщение о явлении кометы (*Шахматов А. А.* Повесть временных лет и ее источники. *ТОДРЛ*. Т. 4. М., Л., 1940. С. 50). Впрочем, это и объяснимо: задачей Шахматова было идентифицировать преимущественно буквальные заимствования.

[16] Это не единственное совпадение. Таким же расхожим паломническим впечатлением выглядит фраза вернувшихся в Киев к Владимиру послов о церковной службе: «не свѣмъı на н҃бѣ ли єсмъı бъıли . ли на земли . нѣс҃ бо на земли такаго вида . ли красотъı такоꙗ» (ПСРЛ 1: 108). Добрыня передает аналогичное впечатление очень близко: «пѣние же воспоютъ калуфони, аки аггели, і тогда будетъ стояти во церкви той аки на небеси іли аки въ раи» (Книга Паломник, 21).

пояс і срачица Господня […] и иныхъ святыхъ мощей много в Златых полатахъ[17]

Перечисленные реликвии на самом деле хранились в церкви Богородицы Фароской, считавшейся дворцовой часовней.[18] «Полаты златыя» летописи, следовательно, представляет собой не указание на какое-то конкретное здание дворца, *Хризотриклиний*, но отражает словарь паломников, в котором так стали называть в XII в. весь Большой дворец.[19] Трудно сомневаться, что и знанием о реликвиях, хранящихся во дворце, летописец также обязан либо собственному опыту паломника, либо рассказам побывавших в Константинополе богомольцев, либо даже какому-то утраченному описанию цареградских святынь.

[17] Книга Паломник. Сказание мест святых во Цареграде Антония, архиепископа Новгородского. Под ред. Хр. М. Лопарева. Православный Палестинский сборник. Т. 17, вып. 3. СПб., 1899. С. 18–19, 21. В XIV в. эти же реликвии оказались в монастыре св. Георгия в Мангане. Посетивший Константинополь в 1395 г. дьяк Александр отметил: «А въ монастыри въ Манъганѣ срасти Спасовы вси, и багряница, кровь, копье, трость, губа и отъ брады; святыхъ мощеи множество в томъ монастыри» (ПСРЛ 4: 376). См. также: George P. Majeska, *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*, Dumbarton Oaks Studies 19 (Washington, DC, 1984), 368–69.

[18] John Wortley and Constantine Zuckerman, "The Relics of Our Lord's Passion in the Russian Primary Chronicle," 73.

[19] После отвоевания Константинополя название дворцовой территории у паломников изменилось. Стефан Новгородец (1340-е гг.) называет ее «двором» и «полатой правовернаго царя Коньстантина»; Игнатий Смолянин (1389) называет «двором Костянтиновым»; «царевым двором Константиновым» называет дворец анонимный паломник 1390-х гг. (George P. Majeska, *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries*, 39, 93, 97, 143); и так же, «Костянтиновым двором царевым», называет территорию Большого дворца Александр дьякон (1395) (ПСРЛ 4: 376).